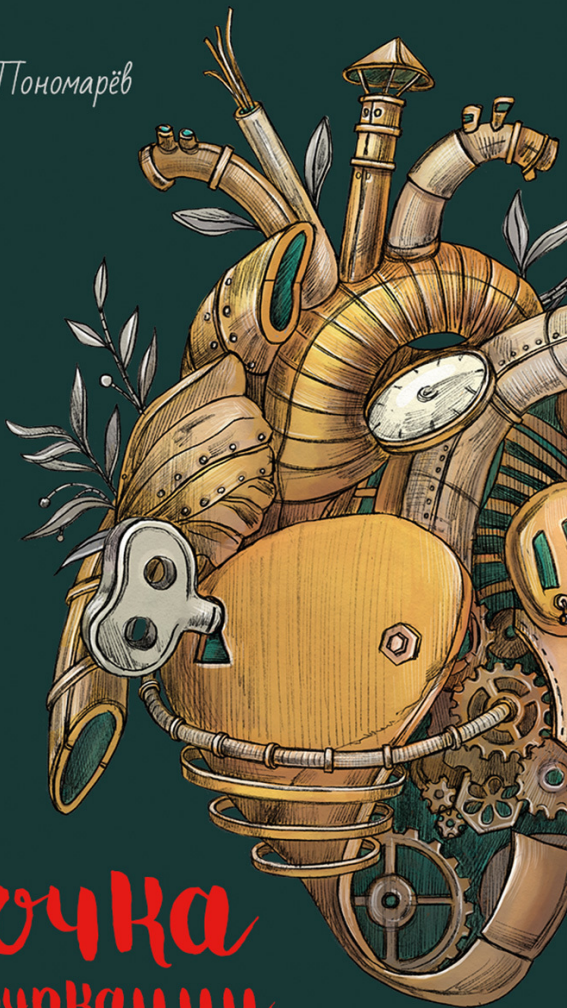

Николай Ттономарёв

Точка бифуркации

Николай Пономарёв

Точка бифуркации

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42395698*

Точка бифуркации: КомпасГид; Москва; 2019

ISBN 978-5-00083-701-6

Аннотация

Где та поворотная точка, в которой жизнь Тимофея свернула с привычной колеи? Вот он ждёт автобус номер двенадцать. Утром. И следующим утром тоже. Едет в школу, после уроков – к друзьям. На танцы. Иногда – на соревнования: городские, областные, всероссийские. Общается в соцсетях. Ложится спать. И где же, где в этом графике тот миг, после которого ничто не будет по-прежнему?

И где поворотная точка в жизни Марины? После уроков – сразу домой. Из дома лишний раз – ни ногой. Да и что там делать, за пределами дома, в шумном мире, где ты, в отличие от остальных, не слышишь ни звука? С людьми из этого мира Марина встречается нечасто – разве что по утрам, в автобусе номер двенадцать...

«Точка бифуркации» – реалистическая, психологически достоверная и глубокая книга, полностью сосредоточенная на настоящем: на нашем времени, на неповторимом моменте из жизни, на эмоциях «здесь и сейчас». Читателям уже

знакома антиутопия Светланы и Николая Пономарёвых «Город без войны», написанная в тандеме, а скоро в издательстве «КомпасГид» выйдет фантастическая повесть «290 миллионов лет и далее», в которой Николай Пономарёв отправит своих героев в далёкое прошлое. Николаю Пономарёву – как сольно, так и в дуэте со Светланой, – доступны любые жанры, и это делает его талант уникальным.

Содержание

Сентябрь	8
Октябрь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Пономарёв

Точка бифуркации

© Пономарёв Н. А., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
2019

* * *

Объявили посадку на автобус до Чукалы. Мой – «вольво», большой, удобный, стоит на пятой платформе.

О городке Чукала, куда мне ехать, я мало что знаю. Кроме того, что ударение на последний слог. Кроме того, что там с отцом и бабушкой, о которой нужно заботиться, живёт Марина Смоленицына. Скорее всего, я её так и не увижу, потому что не знаю адреса. Но, на моё счастье, город, куда я еду, мал. Так что однопроцентный шанс на встречу есть. Отлично.

Предъявляю билет. Автобус не полон, забираюсь на заднее сиденье, кидаю рядом рюкзак. Жду отправления. Закрываю глаза. С одной стороны, всё, что происходит сейчас, – просто. Сел и поехал. С другой – наоборот. Была какая-то предыстория. Иначе чего мне ехать?

Если вы слышали о сложных системах, то слышали и о понятии «точка бифуркации». Это точка ветвления, разви-

ка, когда происходит необратимый выбор из альтернатив. Встать утром вместо того, чтобы доспать ещё часок, – в принципе, сойдёт за точку. Но это ерунда. Такие точки я лично и не запоминаю. Другое дело – важный поступок. Отсчёт. То, что я сижу в автобусе в ожидании поездки, – никакая не точка. Всё решено заранее. И не вчера. Но точка бифуркации была. Поэтому я в автобусе.

Водитель заводит мотор. Вспоминаю, как отец пожелал мне удачи. Он всё понимает, выделил денег и пообещал, что придумает какую-нибудь историю для матери. Она меня, я думаю, не отпустила бы. И волновалась бы: сын, хоть и почти совершеннолетний, едет неизвестно куда, неизвестно когда вернётся. Хотя вернусь я сегодня. По крайней мере, обратный билет у меня в кармане. В понедельник идти в школу. Впрочем, сегодня суббота.

То, что сейчас происходит, – конец истории. Финишная черта очереди выборов и развилок. Точки бифуркации исчерпаны. Что будет дальше, я не знаю. Если вам нравятся истории, где всё закончилось расчудесно, то, пожалуй, можно не продолжать читать. С другой стороны, мне не нравятся истории, в которых главные герои умирают или в конце случается что-то кровавое. А здесь и все живы, и плохого ничего не произошло. Просто всё заканчивается на том, что я сижу в автобусе и с закрытыми глазами слушаю, как работает двигатель. Салон слегка вибрирует. Так бывает, когда автобус стоит. Немного душно, но после того, как мы тронемся,

в окно подует ветер.

История моя также начинается с автобуса. Не с того, в котором сижу я, а с обычного белого городского ЛиАЗа, с зелёным бампером. Примерно год назад, тоже в сентябре. Тогда я учился в десятом классе.

Двигатель повышает обороты, и автобус сдаёт назад, отъезжая от посадочной платформы. Затем начинается движение вперёд, набирает скорость и выезжает за шлагбаум автовокзала. Так бывает и на каждой остановке, когда я еду в школу. Правда, путь мой обычно короче – пять остановок. Сейчас ехать пять часов. Можно предаться воспоминаниям.

Сентябрь

Начинать нужно с сентября. Год назад стояла ясная тёплая погода. Вообще, в нашем городе солнца – почти как в Сочи и уж точно больше, чем в Москве. Разве что несколько дождливых дней было в начале месяца, включая первое сентября. Поэтому линейку провели кое-как, что порадовало. Учусь я в гимназии, и линейки у нас длительные. А в тот день не стали мучить нас рапортами и перечислениями всех побед. Даже не включили надоевшую песню «Школьные годы чудесные», а что-то быстро пробубнили по промокшим бумажкам и на этом закончили.

Как кто провёл лето в наших краях, определяется загаром. Валерка Соколов, мой друг, совсем не загорел. Он решил серьёзно заняться философией, в начале июня купил себе пару десятков книг и напряжённо их читал, изредка позванивая мне и делясь открытиями. От Валерки я и знаю о точке бифуркации. Вжик, она же Алина Летуновская, каталась в Европу и загорела очень хорошо. А Мурзя, она же Оксана Муржина, работала на озеленении города целых два месяца и загорела так, что могла бы сочинять о своих похождениях на южных курортах, но мы её слишком хорошо знали. Все её похождения укладывались в треугольник: общага – памятник казачеству – железная дорога. Вжик и Мурзя – наши с Валеркой подружки. Мы были вместе весь девятый

класс. Одноклассницы косились на нас подозрительно, одноклассники с оттенком зависти, но на самом деле в наших отношениях не было ничего такого. Просто интересно общаться. Либо у меня, либо у Валерки, либо в кафешках. Валерка вёл беседы о философии, я играл на гитаре, Вжик рассказывала последние городские новости, она всегда в курсе, Мурзя делала классные бутерброды и сообщала об историях в общаге, напоминающих смесь романтических сериалов и миллионских сводок. Никто не скучал, и все были при деле.

Вот, второстепенные герои представлены. Почти. Об остальных скажу при первой возможности. Неловко о друзьях и подругах говорить как о второстепенных персонажах, но так получилось.

Вереница моих будних дней не отличалась разнообразием. Расписаны они были под копирку. Утром я садился в автобус и ехал в гимназию. Шесть уроков в физико-математическом классе, а затем обед и тренировки спортивно-балльных танцев. Потом домой, сделать домашнюю работу, побренчать на гитаре или почитать. Вариантом обычного был вечерний звонок от Мурзи. Она приходила одна или с Вжик, и, пока первая списывала домашку, мы пили чай под ненавязчивые разговоры о школе. Иногда на огонёк заходил Валерка и либо пытался убедить Мурзю не списывать и учиться самостоятельно, либо погружал нас с Вжик во что-то из области психоанализа или когнитивной психологии. В любом случае на него фыркала одна из девчонок.

Иногда, не без тени ревности, Вжик начинала расспрашивать меня о моих танцевальных успехах. Сама она способностями к танцам не отличалась, Впрочем, как и все в моей компании. Но беспокоило это только её. Когда я рассказывал, как мы съездили на турнир и как почти заняли первое место, Вжик начинала вздыхать, будто лично упустила золото. Чтобы она меньше завидовала, я взялся научить её медленному вальсу, но ничего толкового не получилось. Пределом танцевальных возможностей Вжик был «танец маленьких утят», который разучивали в первом классе. Она сама это поняла и с тех пор вздыхала с ещё большей завистью.

Мои успехи в спортивных танцах были, в общем-то, непонятны и мне. В том смысле, что никто в семье не танцевал. В смысле серьёзно, разве что на даче под вино и что-нибудь пошло-попсовое из колонок. Отец по профессии инженер нефтеналивных систем. Я не помню его на танцевальной площадке. Мне всегда казалось, что его успехи в танце хуже, чем у Вжик, даже хуже, чем у совсем деревянного в этом плане Валерки. Мама – ландшафтный дизайнер, иногда танцевала на даче вальс, но не с отцом, а со мной или другом семьи дядей Андреем. При этом частенько сбивалась с такта. Я был, что называется, одарён в двух вещах. В математике, но тут как раз всё предсказуемо – оба родителя закончили математические классы. И в танце.

Началось всё с тех самых «маленьких утят», на которых Вжик и закончила. Когда я учился в первом классе,

к нам пришла преподаватель из танцевального кружка. Записались полкласса, а я несколько дней раздумывал, не пойти ли в шахматный. Но сходил, и танцевать мне понравилось. А через год та самая преподаватель подошла к матери и поинтересовалась: не хочет ли она отдать ребёнка в спортивно-бальные танцы? Я помню, как в голос смеялся мой отец, когда мама с нотками удивления сказала, что во мне отыскивали танцевальный талант. Мама зашикала на него, и вскоре вся семья стала открывать новую деятельность, с которой никто из известных мне предков не сталкивался. Правда, по слухам, двоюродный дед со стороны матери профессионально танцевал где-то в Москве и даже снимался в кино, но это не точно.

Партнёры у меня несколько раз менялись. Особенно жалко было расставаться с Вероникой, с которой мы танцевали, и замечательно, с пятого по седьмой класс. Потом она с семьёй уехала в соседний город, и мы с ней переписывались в интернете. Долго мне не могли подобрать толковую партнёршу, пока в середине восьмого класса я не встал в пару с Яной Бакаловой.

Вот ещё один второстепенный персонаж моей истории. С Янкой мы не были друзьями, по крайней мере, не такими, как с Валеркой или Вжик. Но много времени проводили вместе. Её прежнему партнёру надоели танцы, и он их забросил. Янка не без ехидства рассказывала, что он девятый класс закончил едва-едва и пошёл получать профессию

в какое-то училище. В целом их результаты по городу были средние. Мы с Вероникой если опускались на третье, то это было несчастье. Она очень переживала, а я глупо улыбался, если нас не вызывали на награждение первыми. Но вместе со мной у Янки стало здорово получаться. В танце важны не только твои умения, но и быть с партнёром на одной волне, чувствовать его, дышать с ним в такт. И у нас выходило. Однажды, поехав на соревнования в город, где теперь жила Вероника, мы пересеклись. Этот день был неудачным для нас обоих. Но мы с Янкой заняли второе место, а Вероника со своим партнёром не попали и в десятку. Кажется, Янка что-то сказала ей после турнира. Я был выкинут из друзей Вероники во всех социальных сетях и забанен.

Не то чтобы я сильно переживал. К тому времени я уже начал общаться с Валеркой, который перешёл в мой класс, а вместе с ним и с Вжик, и с Мурзей. В общем, расставание с Вероникой на века прошло для меня безболезненно. На турнирах мы больше не встречались, наверное, она занялась чем-то другим, например вязанием. Янка же была довольна и начала вслух мечтать о российском уровне. Я посмеивался, и это её злило. Она считала, что мы не должны останавливаться. Но, признаться, региональный уровень и был пределом нашего мастерства. Ну, или моего, это же я к поражениям относился слишком спокойно.

На первом уроке, классном часе в честь первого сентября, наша классная Ольга Александровна расписывала, как

важно налегать на учение, потому что следующие два года будут определяющими. Рассказывала, как хорошие результаты ЕГЭ откроют путь в лучшие вузы, и прочую чепуху. Все кивали, даже Мурзя, хотя ей хорошие результаты почти не грозили. Мурзя вообще не имела способностей ни к физике, ни к математике. Она должна была учиться в общеобразовательном классе и не в нашей гимназии, а с нами училась по одной причине – её мама была младшей сестрой директрисы. Поэтому в девятом классе она плюнула на деловой стиль одежды, который нам официально навязывался, и приходила на уроки в свитере канареечного цвета. Учителя терпели Мурзю, кроме исторички, которая пожаловалась директрисе. Та вызвала племянницу, но не устроила её выволочку, потому что они над чем-то громко смеялись в кабинете. Над чем – Мурзя не рассказала. Так же вызываяще в школе мог ходить только один человек – Вжик. Но по другой причине. Папа Вжик был важным спонсором гимназии. То он спонсировал закатку в асфальт ненужных клумб или выкладывание стен школы плиткой под камень, то купил в кабинет истории интерактивную доску. Вжик, пользуясь этим, являлась в школу в свободных кофточках диких расцветок типа «океаническая ваниль», и учителя терпели, включая историчку.

Кроме приготовления бутербродов и высадки цветов в городские клумбы у Мурзи был ещё один важный талант – отличное знание английского. В средних классах она побежда-

ла в общешкольных олимпиадах, а в седьмом классе попала во второй десяток результатов по городу. Тут ей конкуренцию не мог составить и Валерка, который английский тоже знал хорошо.

Так что вариантом обычного вечера было ещё то, что Мурзя приходила с тетрадкой не только по алгебре, но и по английскому. И пока она списывала алгебру, я строил что-нибудь из упражнений на «настоящее завершённо-длительное время».

Моя жизнь, несмотря на некоторое однообразие, всё же была не скучной. Не может быть скуки, когда к тебе врывается Валерка и сегодня рассказывает о греко-египетской алхимии, завтра – о влиянии дофамина на принятие решений, а послезавтра – об изначальной невозможности приручения человеком зебр. В таких ситуациях могла спасти только Вжик, просившая поиграть на гитаре. Тогда я брал гитару и пел что-нибудь из популярного репертуара или своё. Играть на гитаре и сочинять песни я умел хуже, чем танцевать и делать алгебраические расчёты, но всё же лучше, чем переводить причастные обороты с русского на английский. Поэтому я исполнял несколько песен, потом в мою комнату заходила мама и говорила что-то вроде: «Тимофей, уже поздно, а тебе рано вставать». Банальненько и в лоб, но действительно. Мурзя резко ускоряла списывание, Валерка комкала окончание эпической истории о Гермесе Трисмегисте, Вжик скромно улыбалась и вежливо говорила что-то вроде: «Да-

да, мы сейчас уходим».

Кстати, я – Тимофей, Тимофей Бодер.

Ольга Александровна, конечно же, была права, эти два года – определяющие. И не только в плане учёбы, а вообще для жизни. Три года назад Ольга Александровна стала нашей классной и вела информатику. У неё и склад ума математический. Поэтому она часто бывала права, как и Валерка, у которого широкий кругозор. У них даже фамилии одинаковые, но это простое совпадение.

Каждое утро, как уже говорил, я садился в автобус. Гимназия находилась в пяти остановках от меня. Совсем недавно я жил рядом со школой. Её было видно из моих окон, но нужно было обойти забор по периметру, потому что, несмотря на жалобы родителей, из-за каких-то предписаний открытые ворота в школу были только одни – парадные.

В девятом классе мы переехали в микрорайон ближе к окраине города. Отец заработал на вахтах денег на четырёхкомнатную квартиру. Он последние несколько лет жил вахтами – полмесяца на севере, полмесяца дома. Новое жилище было не так далеко, но всё же пять остановок. Посоветовавшись, мы решили, что я три года доучусь на старом месте. Мне нужно было ездить на тренировки, а удобнее из гимназии. Директриса была не против: успеваемость у меня хорошая, отзывы учителей благоприятные, да ещё и грамоты-медали. К тому же отец заплатил пожертвование в фонд школы в трехкратном размере.

Моих друзей ничуть не смутило, что я стал жить не под боком, тем более что маршрутки от нас ходили почти до часа ночи. Мы постоянно катались друг к другу. Вот только мама просила обязательно ей звонить, если я задерживаюсь у Валерки позже восьми.

Утренний автобус номер двенадцать был проходящим и шёл полупустым. Во-первых, микрорайон заселился ещё не полностью, во-вторых, большинство уезжало немного раньше на маршрутках. Конечная, а в моём случае начальная остановка автобуса находилась в более дальнем посёлке с благообразным названием Цветнополе, имевшем дурную репутацию. Я оплачивал проезд и садился на заднее сиденье у окна. Эти сиденья как раз и сделаны для таких, как я. Обычно их занимают студенты или школьники. Они на возвышении, и взрослым туда лезть неудобно. В общем, заднее сиденье оказывалось никому не нужным, кроме меня и ещё одной девчонки. Сначала я не обращал внимания, но она перемещалась этим маршрутом каждый будний день, сидя недалеко от меня. Трудно не заметить – примерно моего возраста, плюс-минус год. В девятом классе девчонки не было, иначе обратил бы внимание раньше. Я из интереса рассматривал её. Волосы тёмно-русые, до плеч, сквозь них пробивалось ухо, чуть заострённое, отдалённо напоминавшее эльфийское. Однажды я так и сказал. Не помню, каким был ответ.

Говорят, что большие глаза подкупают. Делают лицо дет-

ским, а это всем нравится. Не знаю, правда ли это, глаза я рассмотрел позже. Она большую часть поездки смотрела в окно, не отвлекаясь на меня. Овальное лицо с красивым высоким лбом, мягкими губами, ровным, чуть вздёрнутым носом можно было рассмотреть и в тот момент, когда автобус подъезжал, а я становился так, что оказывался у задней двери. Но глаза... У Мурзи глаза зеленоватые, миндальной формы, с крохотными морщинками в углах оттого, что она часто улыбается. У Вжик – карие, томные, чуть с поволокой, но небольшие, да она ещё и щурится, потому что у неё слабая близорукость, а очки не носит. Валеркины – светло-серые, будто выгоревшие на солнце. Когда я рассмотрел глаза этой девчонки, то они оказались большими и тёмными, обрамлёнными густыми ресницами. В них можно было увидеть отражение всего мира. Мне сложно подтвердить или опровергнуть аксиому больших глаз. Но что-то в этом есть.

Весь сентябрь она проездила в клетчатой штормовке, джинсах-резинках и с небольшим рюкзаком за спиной. Выходила через три остановки после того, как я входил.

Необходимости разговаривать у нас не было. Я, как мог, рассмотрел её, она наверняка – меня, каждое утро заходящего в салон автобуса через заднюю дверь. Я оплачивал проезд и садился неподалёку.

Своеобразный ритуал. Я сажусь в автобус, и мы три остановки едем вместе. Шесть минут. Каждое утро. В этом для меня было что-то интимное. И никому я об этом не расска-

зывал. С друзьями и без того было о чём поговорить.

Мурзя каждый день расписывала, как удирает от гопоты, устроившей импровизированную распивочную недалеко от её общаги. Она обрисовала это в таких красках, что мы с Валеркой несколько раз взялись провожать её до дверей, но ни одного гопаря так и не увидели. То ли они пугались нас, что смешно, то ли прервали свои алкооргии, что маловероятно, то ли Мурзя их выдумала. К последнему варианту мы и пришли.

Вжик ныла, как она скучает по лазурным пляжам Черногории и замкам Праги и как ей успел надоесть за две сентябрьские недели наш город. Мы с Валеркой утешали её, мол, ещё впереди богатые впечатлениями поездки. Она поволокла нас на выставку картин морской тематики, потом в кафе и там купила себе почти дюжину пирожных с нежно-голубым кремом, ела их, вздыхала и следила за тем, чтобы мы с Валеркой не переставали её утешать.

Сам Валерка углубился в философию алхимии. Пересказывал теории превращения металлов, истории об инициациях алхимиков и о вкладе философов-герметиков в науку. Мы втроём делали вид, что понимаем хотя бы треть из того, что Валерка излагал, кивали и старались не задавать лишних вопросов, потому что каждый вопрос, например о том, сколько сейчас времени, выливался в полуторачасовую лекцию, уже слышанную нами два дня назад.

На этом фоне рассказ о молчаливой незнакомке, сопро-

вождающей меня в поездках каждый будний день, показался бы незначительным.

Тем временем наше пересечение в транспорте продолжалось. Точнее сказать, поездки были параллельные, мы пользовались одним автобусом, и только. В одну сторону и в одно время. Я мог бы уезжать и на маршрутке, но в таком случае нужно было бы выходить на несколько минут раньше. Или через пять минут ехала следующая. Но у меня есть особенность – пунктуальность. Выбираю время, когда мне удобно, и придерживаюсь его. Очень помогает. Например, в отличие от Янки, я никогда не опаздывал на тренировки. Поэтому, забираясь именно в этот автобус, я точно знал, что в школе буду за десять минут до звонка. Плюс-минус минута. За это время можно успеть подготовиться к уроку и узнать от Мурзи последние новости. В классе она сидела прямо за моей спиной.

В этом году я хотел сесть с Мурзей, но Ольга Александровна настояла, чтобы я сел с Варварой Евдокимовой. Моя соседка раньше училась в гуманитарном классе, была отличницей. В основном там были собраны балбесы, большей частью из общаги, и потому класс почти в полном составе ушёл в пэтэушки, а Варвара осталась. И её перевели к нам. Это даже не второстепенный герой, а лежащий на дороге камень. Люди о него запинаются, поэтому помнят и другим рассказывают. В своей компании мы прозвали Варвару Сфинксом. В основном из-за важно-серьёзного вида, который она дела-

ла всякий раз, когда рядом садился я. Привыкла быть первой в своём классе и в нашем начала постоянно тянуть руку и радовать ответами учителей. Глядя на то, как она гордо таращится на доску и ни разу глаза на меня не скосит, так и хотелось дёрнуть её за волосы, удерживала только совершенная несолидность поступка. Поэтому поболтать я постоянно оборачивался к Мурзе. Обидно, что Валерка сел с Вжик и они без проблем перешёптывались, особенно на уроках истории, в которой Валерка был дока. Мне же оставалось вертеться, привлекая к себе учительское внимание.

А пунктуальности в Варваре не было. Она утром то уже сидела за партой, то заходила со звонком, а несколько раз, на радость мне, вообще не пришла. Тогда на законных основаниях её место занимала Мурзя. Та приходила в школу рано, успевала каким-то образом собрать все сплетни и потом пересказывала их. Я бы не удивился, узнав о её платных информаторах в каждом классе и отдельных у памятника казачеству и на железной дороге. Вжик, напротив, залетала в класс после звонка, умудряясь обогнать учителя, тормозила о Валерку, шумно садилась на стул и швыряла сумку с учебниками на парту. Утром это можно было списать на то, что отец, который подвозил её, выезжал поздно, однако так было на каждом уроке. Вжик поясняла, что ей очень нравится тормозить о Валерку, тот протестовал, но вяло. В начале девятого класса мы с Валеркой ходили в школу вместе. Когда я переехал, он радостно сообщил, что теперь бу-

дет спать дольше. Но что-то в его внутренних часах от этого сбилось, и он начал просыпаться первый урок. Кончилось тем, что его мать попросила по утрам заходить за Валерой. И я, как и раньше, стал подходить к его подъезду, он, сладко зевая, спускался, и мы вместе направлялись в школу.

Незнакомка из автобуса тоже оказалась пунктуальна, в течение сентября ни разу не пропустив поездку. В отличие от каменной Варвары, несколько раз поворачивалась ко мне, когда я уже совсем нагло на неё глазел. Я каждый раз в таких случаях мысленно бросал монетку и если бы выпал орёл, то сказал бы что-то типа: «Привет, мы тут каждый день ездим, давай познакомимся, меня зовут Тимофей». Но всякий раз в моём воображении монетка падала решкой, и я, улыбнувшись, отводил взгляд.

Необходимости в знакомстве не было. Жизнь уплотнилась. Тренировки стали постоянными и в выходные. Если время тренировок увеличивалось, то солнечного света становилось всё меньше. Не то чтобы я совсем терпеть не могу электрический свет, но жить на Крайнем Севере зимой не смог бы. Солнце мне ближе. Вот отец легко переносил отсутствие солнца на своих вахтах. И он даже бравировал этим, мол, он – человек темноты. И вообще моментально обгорал на даче, если хоть сколько-то побудет на свежем воздухе. Да что там, он с севера умудрялся приехать обгоревшим. В отличие от него, у меня каждое лето хороший равномерный загар.

С середины апреля по середину октября я помогал матери на даче. В выходные она с самого утра уезжала на своей «хёндай», как говорила, подготовить участок. Протапливала, если надо, печь, варила на обед суп с лапшой. Из пакетиков, но съедобный, если не перебарщивала с пряными травами. После тренировок на автобусе туда отправлялся и я, благо наш участок недалеко. Шесть остановок от нас, проездом как раз через Цветнополе, и транспорт ходит хорошо. Мама считала, что выращивать на даче морковь – пошлость и мещанство. Вместо этого она устроила опытный участок для своих дизайнерских идей. Например, мы покрыли дёрном крышу ящика под навоз и высадили там пряные травы для супа. Устроили в центре двора альпийскую горку с туями, карликовыми ивами и баданом, а вокруг дома росли всевозможные ампельные растения, начиная от лимонника и заканчивая двумя видами вьющихся роз. Хоть и высадили с южной стороны, розы постоянно подмерзали, а японскую айву и вишнёвое дерево в последнюю зиму погрызли мыши. Но мама не унывала: мы с отцом корчевали засохшие, взамен выписывались или покупались в окрестных питомниках новые растения, среди последних – японский клён, конский каштан и гуми. Вообще, у мамы хороший вкус, и она, на зависть соседям, всегда разбивала чудесные клумбы, обрамлённые газонами и декоративными кустарниками. Просто некоторые растения не имели шансов хоть немного вырасти в нашем климате, но мама пыталась. Мне нравилось

на даче, там душисто и свежо, даже весной и осенью, когда нет цветов, а на газонной траве первый или последний снег. До самых сильных заморозков здесь витали ароматы левкоев, резеды, душистого табака и можжевельника. И пускай морковку приходилось покупать в магазине.

Когда домой возвращался отец, с матерью на дачу ехал он. Приглашали и меня, но чаще всего я отказывался. Двум близким людям полезно побыть одним, вместе попить на веранде тёплый чай, совместно убрать первую опавшую листву и просто поговорить. Мама садилась за руль, отец рядом, и они уезжали, а я отправлялся на тренировку. У отца машины в городе нет. Раньше была, но когда стал работать вахтами, то продал. Смысла держать её полгода в гараже, чтобы пару десятков раз проехать по городу в оставшиеся полгода, не было. Отец не гордый – если мама не могла его подбросить до офиса, то ехал на маршрутке.

Когда родители уезжали на дачу, а я оставался в городе, то во второй половине выходных закидывал в рюкзак термос, шоколадный батончик и ехал куда-нибудь в центр. Там вылезал и пешком шёл обратно. На это уходило много времени – город большой. К тому же у нас нет нормальных тротуаров. Точнее, есть, но примерно один процент от общего числа дорог, так что будем считать, что нет. Это значит, что, если вас в дождливый день поместить в любую точку города, вы окажетесь в лучшем случае посреди грязищи, под которой слабо прощупывается асфальт. Вокруг – лужи. Это если

не частный сектор. Но при рандомной телепортации в половине случаев вы попадёте именно туда, и я очень вам не завидую, потому что асфальта там никогда не было. Я в частный сектор не ходил. В общем, пешком быстро передвигаться в городе нельзя.

В конце сентября мы гуляли с Валеркой. Он не ахти какой спортсмен, разминочные круги на физкультуре для него испытание, но старался поспевать за мной, в разговорах забывая об усталости. В это время года темнело чуть раньше, чем мы добирались до Валеркиного дома. В свете фонарей мы быстрым шагом пересекали аллею с голыми клёнами, берёзами с редкими жёлтыми прядями листьев и усыпанными красными гроздьями ягод рябинами. Навстречу нам, подумав только, шла та самая девчонка из автобуса. Она была настолько погружена в себя, что, когда я неожиданно поздоровался, не обратила на это никакого внимания.

– Ты её знаешь? – спросил Валерка.

– По утрам мы ездим в одном автобусе, – признался я.

Впервые я заговорил о незнакомке.

– Ничего так, – хмыкнул Валерка, – но, похоже, ты не в её вкусе. Если бы хоть немножко нравился, она бы не прошла мимо, как будто ты пустое место. Вот, например, Мурзя поздоровалась бы.

– Мурзя – мой друг, – напомнил я.

– Здесь важная развилка нашего существования, – произнёс вдруг Валерка. – Был бы у неё к тебе хоть какой-то инте-

рес, она обязательно ответила бы приветствием. Мы бы остановились и поговорили, а не подходили, как сейчас, к концу аллеи. Это называется точка бифуркации. Событие либо происходит, либо нет.

Тогда-то Валерка впервые рассказал мне о точке бифуркации, только я его плохо слушал. Мне было немного обидно, что, когда моя мысленная монетка упала орлом, это не оказало никакого влияния. Можно было и не подбрасывать.

– Итоговый выбор человека – либо смерть, либо жизнь, – закончил Валерка, когда мы подошли к его пятиэтажке. – Разумеется, мы всегда выбираем жизнь. Кроме самых редких случаев.

Мы попрощались, и я пошёл дальше один. Разумеется, Валерка был не прав. Нет, не в вопросах жизни и смерти, а в том, что это было поворотной точкой.

Октябрь

Когда октябрьским утром идёшь в школу, на улице уже горят фонари. Это коренное отличие от сентября. Ещё больше разброс погоды: сегодня плюс пятнадцать, а послезавтра пойдёт снег и в кедах ходить не климат.

У меня кроссовки осенние, тёплые, а вот у неё были все те же летние с сеточкой. Я больше не здоровался и немного мстительно смотрел, как она пытается идти в такой легкомысленной обуви по снежной слякоти. Промочила ноги и простыла, и с неделю я ездил в автобусе один.

Мурзя в это время решала проблему со старушкой, жившей неподалёку и оскорбившей её. Правда, Мурзя первой же и надерзила, а та за словом в карман не полезла, но обида была крепкой. Каждую перемену мне предъявлялся очередной вариант мести. Вечером, придя списать очередную порцию задач по алгебре, вместо рассказа о том, как жёстко поквитается с вредной бабкой, Мурзя вдруг спросила:

– Бодер, а правда, что у тебя появилась девушка?

– Отнюдь, – ответил я. – В моей жизни и так слишком много девушек, не протиснуться. И ты, и Вжик, и Янка Бакалова, и даже Варвара.

– Варвара! – Мурзя рассмеялась. – Хорошо пошутил. Я бы и не подумала, что можно протиснуться между тобой и Сфинксом.

– Поэтому я и поворачиваюсь к тебе сам, – сказал я. – Мурзя, ты тут всё знаешь, а что за школа за три остановки от меня?

– Цветнопольская.

– Нет, в эту сторону.

Мурзя так крепко задумалась, что выронила ручку.

– Не припомню, – она подняла с пола ручку. – А! Там спецшкола для олигофренов. Дураки всякие учатся. Боба-гоп там учится из нашей общаги. И ещё Дима. А тебе зачем?

– Да так, – ответил я неопределённо.

– Там твоя девчужка-дебилушка учится? – с ехидцей уточнила Мурзя. – Бедненький, – она погладила меня по голове. – Выбрал девушку, а у неё в голове кукушечка.

– Мурзя, ты списывать приехала или меня лечить?

– Списывать?!

Я нарочно так сказал. Мурзя обижалась, когда своими словами называли этот вариант проведения вечера. Правильно было говорить – сравнить результаты. В принципе, Мурзя была не виновата, ей дали повод позубоскалить, она ухватилась. А вот Валерке я бы сейчас сделал выволочку. Подумаешь, один раз мимо прошли, пустяки, и не нужно об этом рассказывать девчонкам. Безудержный болтун!

Мурзя вертела ручку, думая – обидеться или скатать пару задачек.

– Нет у меня никаких девочек с кукушечкой, – сказал я.

– Ну и хорошо, – пробурчала Мурзя и всё-таки взялась за списывание.

Я, чтобы окончательно помириться, сбегал на кухню за бутерами. С другой стороны, ведь нужно было давно уже рассказать об этих забавных поездках в одну сторону. У нас не было секретов друг от друга, и, конечно, всех возмутило, что я этим не поделился.

Вечером, когда мама привычно намекнула, что уже поздно, я отправился провожать Мурзю. И она, стоя на остановке и хищно потягиваясь, говорила уже только о том, как страшно отомстит бабке. Но когда к остановке, поблёскивая фарами, направилась со стоянки очередная маршрутка, вдруг спросила:

– Я последние дни думаю, когда будет эта точка? И можно ли будет вернуться назад?

Валеркина работа. Это он успел всем поездить по мозгам своей точкой бифуркации. Пока не донесёт до всех по три раза – не успокоится. Он хороший друг, но иногда – настоящий зануда.

Мурзя уехала. Я по пути домой подумал, что злосчастной бабке не позавидуешь. Дома в телефоне меня ждало сообщение от Мурзи: «Не обращай внимания». Я стёр его и забыл.

Назавтра улетал отец. Утром он никого не будил. Но мы привыкли сами просыпаться, чтобы его проводить. Хоть на цыпочках ходи, от нас так просто не уйдёшь. Он традиционно уточнил, когда у меня выступления, поцеловал маму,

сказал что-то вроде «вы держитесь здесь» и пошёл к ожидавшему его у подъезда такси. Мама отправилась пить чай, а я в свою комнату. Часы показывали пять тридцать. И в телефоне нашлось ещё одно сообщение от Мурзи, пришедшее в час ночи: «Я посмотрела в инете, там ещё 18 школа». Можно подумать, это так важно. Непонятно было только одно: зачем я вообще спрашивал у Мурзи? Когда и сам мог заглянуть в интернет-карты.

Она сидела в автобусе и привычно смотрела в окно. Значит, не исчезла, не пропала, не переехала, а действительно болела. Сидела она всё в той же клетчатой штормовке, из-под которой, однако, торчал толстый ворот вязаного свитера. Ну хотя бы джинсы поменяла, вместо летних – утеплённые. И на ноги надела полусапожки неопрятного коричневого цвета с вытертыми носками. Похоже, их носила ещё её бабушка. В ту же школу-интернат для олигофренов, в лучшем случае в школу номер восемнадцать.

– Простудилась? – спросил я ни с того ни с сего.

Она присмотрелась к моему отражению в окне. Потом повернулась ко мне.

– Ты что-то спросил? – голос после болезни у неё был с металлическим оттенком, без особенных эмоций.

– Мы с тобой ездим в одном автобусе больше месяца, – начал я объяснять так подробно, словно её учёба в школе для умственно отсталых была установленным фактом. – Целую неделю тебя не было. Подумал, что ты простудилась.

Она на секунду задумалась. Я окончательно склонился к первому варианту Мурзи и кукушечке в голове.

– Да, – ответила она с той же металлической интонацией, – я болела.

До следующей остановки она смотрела на меня, будто ожидая, что я немедленно брошусь знакомиться или разговаривать. Но разговор себя исчерпал. Знакомиться мне не захотелось, а моё предположение подтвердилось. Потом она отвернулась и чуть раньше пошла к выходу. Круг моего общения не стал шире, никаких точек или развилок не намечалось.

Ничего не подозревающий Валерка, выйдя из подъезда, протянул мне руку. Я дёрнул за руку так, что он слетел со ступенек.

– Воу, воу, полегче! – с издевательской интонацией возопил он. – Я не готов танцевать с тобой твист прямо сейчас. Или что вы там с барышней репетируете.

– Сейчас, умник, я с тобой такой вальс станцую... – угрожающе прошипел я.

– Бостон или венский? – уточнил Валерка. – Ладно, отпусти. Что там у тебя случилось?

– Ты зачем растрепал о той девчонке? – спросил я напрямую.

– Та, которая из парка? – Валерка задумался, поправил сползшую на лоб мышиного цвета шапочку. – Слушай, я не помню.

– А дожидаться, пока я сам расскажу, не судьба?

Я развернулся и пошёл в школу. Валерка тут же догнал меня.

– Мурзе рассказывал о динамике малых групп. Привёл в пример тебя и ту девчонку. Вот если бы вы, то есть мы все, познакомились, скорее всего, это бы укрепило нашу дружбу. Потому что группа из четырёх человек неустойчивая, всегда может распасться на диады, а из пяти – идеальная. Там мнение не может поделиться пополам, аутсайдер всегда получит поддержку, и это число не превышает объём внимания среднего человека.

Валерка мог бы прямо сейчас читать лекции по философии или по алхимии. Пусть не в вузе, но в училищах, куда ушёл почти весь класс Варвары. Но ему, к сожалению, придётся ещё окончить школу, оттрубить пять лет в институте, а потом, наверное, ещё и аспирантуру закончить. И всё-таки он, объясняя теории на тупых примерах, и сам выглядел глупо. Зачем, спрашивается, ради красного словца вворачивать мою историю, которая тогда была и не историей, а так, мелким случаем, крохотным событием, мизерным происшествием? И мы, кстати, давным-давно общались вчетвером, и никаких проблем, не распались.

Мурзя до шестого урока мирно продремала, прячась за моей спиной. Как сомнамбула, собирала учебники и тетради после звонка и, схватив меня за руку, брела в следующий по расписанию кабинет. На шестом уроке учитель био-

логии вызвала её к доске. Пока она пыталась рассказать о липидах, путаясь в терминах и улыбаясь всему классу, проснулась. Получив тройку, Мурзя, довольная, села и рассказала мне трогательную историю о том, как выдумала месть. Утром, заметив проходящую ненавистную бабку, решила просто плюнуть на неё сверху из окна и, открыв форточку, набрала полный рот слюны, но, увидела, какая та маленькая и несчастная, тут же простила. А может, не было никакой старушки, выдумала же Мурзя историю о гопниках.

Вечером сидели у Валерки. Один из его пращуров со стороны отца до революции был врачом. Во время бурных революционных событий работал в лазаретах и у белых, и у красных, а потом так и остался в городе, получил в СССР пост заведующего городской больницей. Портрет этого благообразного старика в пенсне висел в центре гостиной. Он собрал приличную библиотеку, и почётное место на полках занимали дореволюционные книги в старинных переплётах. Может быть, поэтому Валерка ещё не перешёл на чтение в цифровом варианте. В доме у него несколько книжных шкафов с зияющими то там, то тут проплешинами. И Валеркина комната завалена книжками, частью с открытыми страницами, частью с закладками, частью просто забытыми и пыльными. Среди книг возвышались стол и диванчик. Кроме родителей и Валерки здесь обитал также кот по имени Генрих. Мурзя всегда завидовала Валерке, но не тому, что он живёт в трёхкомнатной квартире, – и у меня, и у Вжик квартиры больше,

а именно тому, что у Валерки есть Генрих. В комнате общежития, где ты живёшь с матерью, места для кота нет. Мурзя, прежде чем приняться за списывание, прижимала его к груди, целовала в нос, щекотала лапки. Кот, пока Мурзя тискала его, сидел недовольный и ни разу не урчал, терпя девчачьи нежности. Потом важно уходил из комнаты, чтобы больше не появиться, а Мурзя садилась за стол и разбирала задание по алгебре. Вместе со мной, разумеется, чаще – после меня. Валерка уходил на кухню и гремел там кастрюльками. Вжик сидела на диванчике и в ожидании, пока кто-нибудь освободится, листала первую попавшуюся книжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.